

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Литературный конкурс

ПУШКИНСКАЯ ЛИРА

сборник лучших конкурсных работ

Москва, 2025

УДК 372.8
ББК 81.2
В85

Всероссийский конкурс «Пушкинская лира» [Электронный ресурс]:
Сборник лучших работ участников конкурса. Москва: ФИРЯ, 2025. 63 с.

В сборник вошли лучшие работы детей, представленные на Всероссийский конкурс «Пушкинская лира» (далее - Конкурс).

Организатором Конкурса является федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Федеральный институт родных языков народов Российской Федерации».

Конкурс проведен в рамках фестиваля «Мы – дети Пушкина» впервые в 2025 году. Участниками Конкурса стали 224 человека из 38 регионов России.

В сборник включены работы юных авторов – победителей и призеров Конкурса, а также работы, отмеченные жюри, которые отличаются выразительным языком, глубоким смыслом и личным отношением к теме, связанной с творчеством А.С. Пушкина.

УДК 372.8
ББК 81.2

Все работы публикуются в авторской редакции.

© Коллектив авторов, текст, 2025
© ФГБНУ «Федеральный институт родных языков
народов Российской Федерации», 2025

Дорогие друзья, любители русской словесности!

С радостью и гордостью открываю этот небольшой по объему, но огромный по значению сборник, который собрал голоса нового поколения тех, чья душа откликается на гений Александра Сергеевича Пушкина.

Этот сборник составлен по итогам первого Всероссийского конкурса «Пушкинская лира», проведенного нашим Институтом в рамках фестиваля «Мы – дети Пушкина» в апреле-июне 2025 года.

224 юных автора из 38 регионов России прислали свои творческие работы. В этот сборник вошли лучшие литературные произведения, те, что покорили жюри не только образным языком и глубоким смыслом, но и той особой, личной интонацией, которая рождается только при настоящей, сердечной связи с поэзией великого русского поэта.

Перелистывая страницы сборника, вы убедитесь: пушкинское слово продолжает жить в сердцах, языках народов России, стремлении юных авторов найти свой голос, понять, почувствовать и сохранить его.

Через произведения Александра Сергеевича Пушкина мы прикасаемся к истокам, к тем нравственным, художественным и языковым традициям, которые формируют нашу общую идентичность.

Благодарю всех, кто принял участие в этом проекте. Верю, что этот сборник вдохновит других ребят на собственные творческие поиски.

Желаю всем ярких впечатлений, живого интереса, радости от общения с Пушкиным и со всеми участниками!

*Бокова Эсет Ибрагимовна,
директор ФГБНУ «Федеральный институт
родных языков народов Российской Федерации»*

СПИСОК ПОБЕДИТЕЛЕЙ И ПРИЗЕРОВ

Номинация «Поэзия»

1 МЕСТО – Мануйлов Алексей Дмитриевич

2 МЕСТО – Орешкина Дарья Вячеславовна

3 МЕСТО – Кацедан Максим Алексеевич

Номинация «Проза»

1 МЕСТО – Вольская Вероника Алексеевна

2 МЕСТО – Магомедова Написат Руслановна

3 МЕСТО – Шилов Кирилл Юрьевич

Номинация «Эссе»

1 МЕСТО – Косых Елизавета

2 МЕСТО – Байняжева Кира Романовна

3 МЕСТО – Мещеряков Егор Александрович

Номинация «Поэзия»

Мануйлов Алексей Дмитриевич, 9 класс

*МОУ «СШ с УИОП № 38 Красноармейского района Волгограда»,
Волгоградская область*

Баллада о благородном разбойнике

Сосед-злодей всего его лишил:
Нет ни отца, ни скромного имения.
Куда подастся бедный дворянин
И где себе отыщет утешенье?
А вскоре появился в тех краях
Разбойник удивительного свойства:
Для жадных богачей – гроза и страх,
Для бедных – проявление благородства.
Он молод, обаятелен и смел.
Он свято чтит закон дворянской чести.
Страшись, злодей, своих коварных дел,
Тебе не избежать кровавой мести.
Но как-то раз разбойник молодой
Увидел дочь виновника страданий.
Прекрасную, как яблонька весной,
Как утреннего солнышка сиянье!
И он простил коварного врага,
Пленившись красотой девы милой.
Поклялся он беречь ее от зла,
Хранить покой прелестницы любимой.
Но вот по воле вздорного отца
Мертвец дева пред грядущей свадьбой:
Свою судьбу она обречена

Навек связать со стариком богатым.

Она ждала, а грозный атаман
Немного опоздал по злобной воле.

Уже священник произнес слова,
И стала дева княжеской женою.
И вновь один, и вновь лишен всего.

Навек разбито пламенное сердце.
И он исчез. Куда – не знал никто.
Но на земле отважным много места.

*Орешкина Дарья Вячеславовна, 11 класс
МБОУ «Школа № 6»,
Нижегородская область*

Любимый Пушкин

Когда накроет душу сплином,
Хандрой, по-русски говоря,
Не помогают витамины,
И заграничные моря,
Беру проверенное средство,
Что каждому знакомо с детства -
Тяжёлый драгоценный том
С портретом Пушкина на нём.
Контрастным чувствам не ужиться -
Бледнеет скука, прочь бежит,
Теряя прежний строгий вид
От каждой следующей страницы,
Где жизнь, и слезы, и любовь
Волнуют поминутно кровь!

Могу себе представить чётко
Героев знаменитых строк:
Томится узник за решеткой,
Сидит в темнице долгий срок.
Учёный кот по дубу ходит,
Идёт направо - песнь заводит;
По свету скачет Елисей
Вслед за невестою своей.
Руслан врагом смертельно ранен,
Похитил деву Черномор;
Глядит с тоской в пустынный двор
Подруга дней суровых – няня.
И над костями который век
Склоняет голову Олег.

Тут дядюшка богатый болен,
Потом поссорились друзья -
Повержен Ленский, плачет Оля,

Но ничего вернуть нельзя.
Тулуп Петра на Пугачёве,
Гринёв оправдан, не виновен!
Дубровский вынул пистолет -
Медведя в доме больше нет.
Играет Герман одержимый,
Три карты в голове твердит;
Смотритель станции убит
Побегом дочери любимой.
И всадник медный как живой
Летит в ночи по мостовой...

Поэт! Как много в слове этом
Для сердца русского звучит!..
С читателем в своих сюжетах
О вечном Классик говорит.
Стихотворения, романы,
Поэмы, повести и драмы-
Калейдоскоп имён и лиц
На сотнях признанных страниц.
Кудрявый гений, мастер слова
Пленяет самый строгий ум,
Колдун пера, властитель дум
Легко при каждой встрече новой
По воле судеб и своей
Глаголом жжёт сердца людей!

*Кацедан Максим Алексеевич, 9 класс
МБОУ «Ленинская школа»,
Республика Крым*

Сон

Мне приснилось Лукоморье, А под дубом - сам поэт.

И волна катИт на взморье, И от злата - яркий свет.

Вот удача, так удача, С Пушкиным поговорю.

Я к нему, а он небрежно:

- Извините, я творю...

И уже через минуту:

- Просьба есть или вопрос?

- Нет, просить я Вас не смею,

До вопросов не дорос.

Мне бы только восхищенье

Выразить про лёгкий слог,

Сказки - прелесть, без сомненья.

И, продолжив диалог.

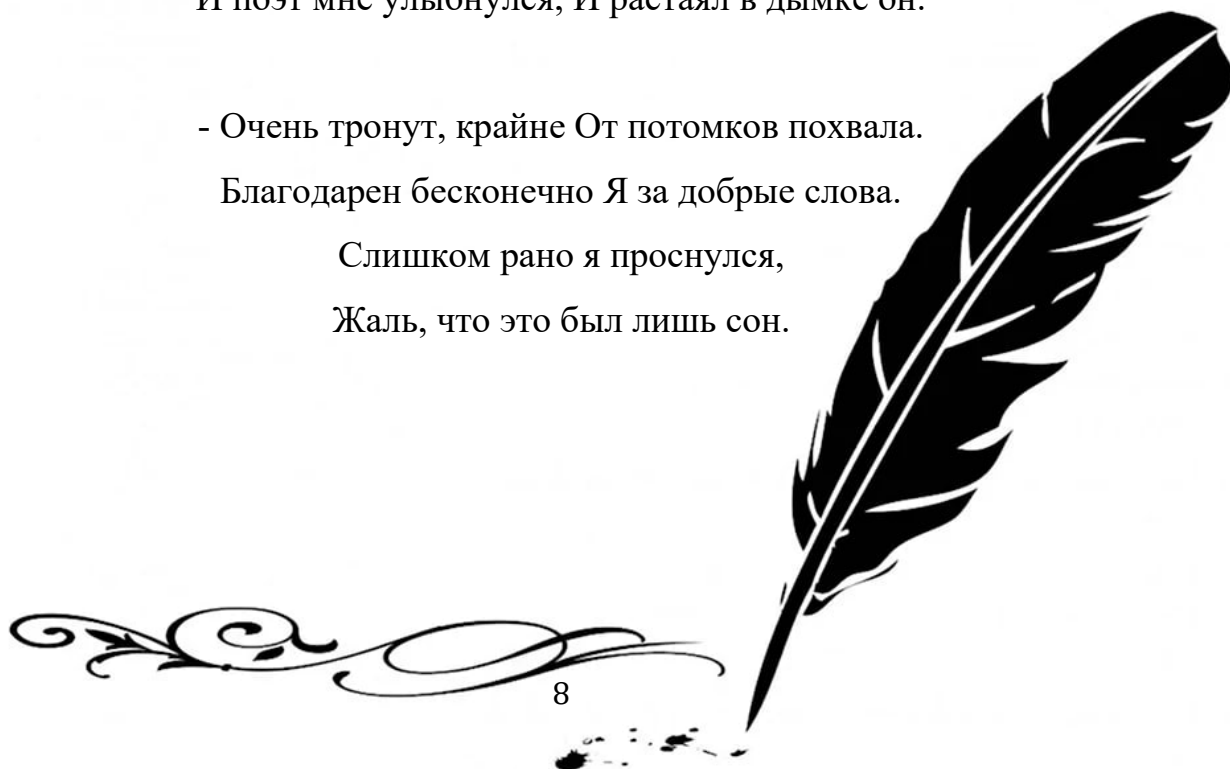
И поэт мне улыбнулся, И растаял в дымке он.

- Очень тронут, крайне От потомков похвала.

Благодарен бесконечно Я за добрые слова.

Слишком рано я проснулся,

Жаль, что это был лишь сон.

Номинация «Проза»

***Вольская Вероника Алексеевна, 9 класс
ОГБОУ «СОШ №20 с УИОП г. Старого Оскола»,
Белгородская область***

Волшебная сила пушкинских строк

Звонок на перемену прозвенел, как освобождение.

Полина прижала к груди потрёпанный томик - тёплый, почти живой. В коридоре грохотали шаги, слышались смех и чьи-то голоса, но для неё это уже не имело значения. Она удобно устроилась за своей партой и открыла произведение на знакомом месте. Вес любимой книги приятно ощущался в руках. «Сказка о мёртвой царевне и семи богатырях» Александра Сергеевича Пушкина жила в сердце Полины с тех самых пор, когда мир ещё казался огромным, а чудеса - возможными. Словно зёрнышко, брошенное в плодородную почву, история о верности, любви и светлой печали пустила в девушке нежные корни. Строки, отточенные, как алмазы, звенели в памяти тёплым колокольчиком, а образ царевны, кроткой, как лунный свет, становился тихой отрадой в самые непростые дни. Это была не просто сказка, а часть её самой, как узор на любимой кружке, как запах бабушкиного пирога, как первая осознанная мечта. Она знала её наизусть, чувствовала ритм пушкинского слога в собственном дыхании и где-то глубоко внутри верила, что доброта и терпение - не слабость, а та самая волшебная сила, что способна разбудить даже мёртвое сердце. И пусть годы шли, мир вырослел, и сказки казались лишь красивыми метафорами - для Полины они оставались правдой. Той самой, что не гаснет, как свеча в тёмном тереме, а продолжает светить, согревая душу.

Пушкинские строки рисовали в воображении яркие пейзажи, а в воздухе запахло мёдом и чем-то тревожным, как перед грозой. Золотые нити заката тянулись сквозь окно, смешиваясь с тонкой пряжей в руках у царевны.

Ветер шевелил занавеску. Внезапно из-за нее показался силуэт дряблой старухи, в то время как пальцы продолжали тянуть нить, будто в такт давно знакомым стихам: «В светлой горнице сидит, за пряжей девица ждёт...»

Соколко встрепнулся задолго до того, как скрипнула калитка. Его уши, острые, как лезвие меча, вздрогнули, уловив неладное. Мочка носа, влажная и чуткая, зашевелилась, втягивая воздух; там, среди привычных запахов хвои и мёда, затаилось что-то кислое, прогорклое. Шерсть на загривке медленно поднялась, как щетина на рассерженном медведе. Из глубин груди вырвалось предупреждение - не лай, а протяжный, зловещий вой, от которого мурашки побежали по коже.

Когда старуха переступила порог, пёс бросился вперёд, но не с бешеной атакой, а с холодной, хищной грацией. Его лапы ступали бесшумно, как у настоящего волка. Глаза, горящие янтарным огнём, не отрывались от гостьи.

Старуха захихикала, но её пальцы судорожно сжали яблоко.

– Ц-ц-ц, милоч, не пужай старушку!

Царевна отложила веретено, когда за окном вдруг послышался глухой рокот, словно далёкий раскат грома перед бурей. Белоснежные занавески колыхнулись от резкого движения, когда она прильнула к стеклу.

За воротами стояла старуха - сгорбленная, в выцветшем платке, но что-то в её позе было... не так. Слишком плавно двигалась. Слишком цепко держала в руках то румяное яблоко, будто оно было приковано к её пальцам невидимыми нитями.

А перед ней – Соколко. Пёс не просто рычал, он преграждал ей путь, как страж последнего рубежа. Его могучая грудь вздымалась, шерсть стояла дыбом, ошетилившись вдоль хребта тёмной гривой. Глаза, обычно такие добрые, теперь пылали жёлтым огнём, и в них читалось не просто

предупреждение – знание. «Она не та, за кого себя выдаёт», - словно говорил его оскал.

Старуха сделала шаг вперёд - и защитник взревел. Липкий страх окутал девушку и не позволял сдвинуться с места. Звук был не собачий - низкий, рвущий душу, он шёл из глубины, будто из самой преисподней.

Незванная гостья здорово стукнула животное в бок, так что оно заскулило. Соколко не хотел отступать, но ведьма взмахнула рукавом, и пес, напоследок рыкнув изо всех сил, рухнул наземь. Старуха постучалась в дом.

Царевна, застывшая подобно фарфоровой статуэтке у окна, вздрогнула. Её подсознание снова забило тревогу, на ухо словно шептали: «Прячься!». Неровной поступью девушка подошла ко входу, однако руки не слушались и тянулись впустить пришедшую. К несчастью, сознание проиграло в сражении за власть над телом, и тонкие кисти отворили резную дверь.

На пороге стояла старуха - плат до бровей, морщины, как трещины на старой иконе, а в руках - яблоко. Оно блестело, словно было вырезано из утренней зари.

- Дитятко, у тебя не будет хлебушка? Я, карга старая, заплутала в лесу, да кроме яблочек ничего у меня не осталось...

Царевна мягко улыбнулась, только страх не хотел её отпускать. Что-то зловещее было в этой старухе и не давало успокоиться девушке.

- Да, бабушка, конечно! Проходите.

Она быстро сходила за буханкой и вернулась к гостье.

- Возьмите.

- Выручила ты меня, голубка! Прими угощение.

Старуха протянула то самое яблоко.

Что-то сжалось внутри. Царевна хотела отшатнуться, но руки сами потянулись, точно нити, что ещё минуту назад покорно вились вокруг веретена, теперь опутывали её волю.

- Не нужно...

Но старуха уже поднесла плод к самым её губам, и сладкий запах ударил в голову, как хмель.

- Что же ты, дитяtko, попробуй.

«Не ешь..!» - крикнул молодой голос где-то глубоко. Но зубы уже мягко вонзились в сочную мякоть.

Первое, что она почувствовала, - тишину. Будто все звуки разом оборвались. Потом - холод, ползущий от кончиков пальцев к сердцу. Стало так тяжело дышать... Последнее, что она увидела, - как ведьма распрямляется, сбрасывая сгорбленность, а в её глазах вспыхивает знакомый, ледяной блеск...

«Свет мой, зеркальце...»

Тьма расступилась.

Холодное, как лунный свет, пробуждение. Девушка открыла глаза, но вокруг не было ни комнаты, ни леса, только матовая гладь хрусталя над головой. Она попыталась вдохнуть - тишина, поднять руку - пустота.

«Я умерла», - осознала она, и это не было страшно.

Сквозь прозрачные стены гроба лился серебристый свет - ни солнца, ни луны, а чего-то другого. Девушка поняла, что может скользить сквозь стены, как дымка. Её тело больше не весило ничего, но сердце... сердце всё ещё болело, будто в нём застрял осколок того яблока.

И тогда девушка заговорила - без голоса, без звука, но природа услышала её мольбу:

- Солнце, месяц, ветер...

Воздух дрогнул, звезды замерцали чаще. Где-то в вышине закачалась ветвь.

- Вы, которые видите всё, милые братья, прошу вас, направьте его ко мне...

Она не назвала имя, но они поняли. Королевич Елисей...

В вышине, там, где хрустальный свод гроба терялся во тьме, солнце дрогнуло. Не просто осветилось - вздохнуло, точно живое. Его луч, тонкий-тонкий, как нить, сплетённая из первого света и последней надежды, пробился сквозь грани. Он упал на замшелый камень у подножия, и тот вдруг задышал, покрылся россыпью искорок, будто вспомнил, что когда-то был частью чего-то великого.

А потом - месяц. Он явился без ночи, без спроса, прорезав тьму своим серпом, острым, как последний вздох. Его свет был не просто ледяным - он был всевидящим. Таким, каким бывает взгляд старика, помнящего все сны мира. Он скользнул по ветвям, и те зашептали - не на языке листьев, а на том, на котором говорят тени.

И тогда пришёл ветер. Не тот, что гнёт деревья и рвёт паруса, - иной. Он касался мира кончиками незримых пальцев, и от этого каждая травинка запела серебряным звоном, паутина между сосен замерцала нотным станом, а воздух загустел.

Они слышали. То, что не сказано словами. То, что живёт между ударами сердца... Её мольбу.

Царевич Елисей шёл по следу, которого не существовало. Его конь, взмыленный, с разбитыми копытами, уже три дня не сбавлял хода, будто что-то невидимое тянуло его за узду. Сам царевич не спал - веки горели, как

раскалённый песок, но внутри поселилась странная уверенность: если он закроет глаза хоть на миг - опоздает.

И вот... Лес расступился. Перед ним оказалась гора, залитая светом, которого не могло быть - густым, как мёд, золотым и в то же время синим, лунным. Парень поднялся на вершину и вошёл в пещеру. В центре на цепях легонько колыбался хрустальный гроб, словно убаюкивая бездыханную царевну, бледную, как первый иней. Казалось, что девушка дремлет, а руки, сложенные на груди, будто продолжали держать то самое отравленное яблоко.

Елисей соскочил с коня, не чувствуя земли под ногами.

- Проснись... - прошептал он, и это не было просьбой. Это был приказ, брошенный самой смерти.

Тогда королевич бережно открыл гроб и со скорбью посмотрел на мёртвую невесту. Он не успел... Всю накопившуюся печаль он влил в нежное прикосновение губ ко лбу девушки. И тут... Она вдохнула. Не плавно, а с судорожным вздохом, точно вынырнула из чёрной воды. Глаза распахнулись, и в них отразился сначала ужас, а потом образ юноши.

-Ты пришёл... - её голос был хриплым, но полным счастья, как шелест засохших листьев.

Елисей не ответил. Он только прижал её к груди так сильно, что кости хрустнули, но она не протестовала. Лицо королевича было таким знакомым и родным: все в веснушках, худое и бледное, а из-под шапки топорщились медные пряди.

- Полина, проснись, - повторил королевич, теперь держась за плечо девушки на расстоянии вытянутой руки.

- Что?

Она часто заморгала, и ледяная пещера превратилась в школьный класс, а за плечо её держал Юрка. Щеки девочки всегда заливались румянцем, стоило увидеть его. Заметив, что одноклассница проснулась, юноша взял одну из каштановых косичек и начал раскачивать из стороны в сторону.

Это был сон...

- С пробуждением, царевна! У нас математика скоро начнётся. Повтори формулы, сейчас самостоятельную дадут, - мальчишка хихикал и улыбался во все свои тридцать два, а его вечно взлохмаченные рыжие волосы были похожи на гнездо, так что не определить, кто из них уснул.

Взгляд зацепился за медные пряди и веснушки. Девочку осенило: царевич из её сна - Юра!

Мир сузился до них двоих. Полина была настолько смущена, что не могла подобрать слов, поэтому только и открывала рот, как рыбка. Воспоминание из сна, где юноша поцеловал её в лоб, а затем прижимал к себе, не отпускало.

- А? Ты их не учила? - удивился мальчик, все теребя волосы одноклассницы. - Ну, хочешь, я к тебе сяду и помогу?

Девочка глупо кивнула, а по груди растеклось тепло. Юра всегда спасал Полину, будь то сон или самостоятельная по математике. Он был её королевичем Елисеем, пусть они и не были в сказке Александра Сергеевича Пушкина.

*Магомедова Написат Руслановна, 9 класс
ГКОУ РД «Караузекская СОШ Цунтинского района»,
Республика Дагестан*

*Новелла, составленная по мотивам
стихотворения А.С. Пушкина
«На холмах Грузии лежит ночная мгла...»*

Натиа, луноликая грузинка

Глава 1

Случилось мне в молодости попасть в одну неприятную историю. Был я тогда еще зеленым юнцом, получил домашнее образование. Выучился письму, чтению, основам грамматики и арифметики. Учителем моим был престарелый немец. Звали его Мюллер Арбет Го-Фишнер. Говорить о его характере можно немного. Любил он напускать на себя сердитый вид. Но я знал, что Мюллер был очень добрым человеком. Случалось, сядет он на краешек моей кровати и тихо смотрит, как я сплю. Долго сидел он так, видимо, глубоко задумавшись о чем-то своем. Бывало, нежно проведет по моей кудрявой макушке, что-то нащёптывая на своём. Я заметил эту его привычку, когда в один из таких дней он беспокойно ворочался около моей кровати. Тогда я оставался неподвижен, не смея лишний раз вздохнуть и разрушить эту идиллию. В учебные же часы Мюллер никогда не смел и ласкового слова мне сказать, ограничивался только: «Shneller!» или «Mochten Sie zum Abendessen bleiben?» Словом, добрейшей души человек. И я очень его любил, что плакал, как девчушка, когда отец его выгнал со двора.

Шёл мне тогда шестнадцатый год. Отец решил отдать меня на военную службу. Отучился я в военной академии, послужил и через три года бросил это дело. С тех пор скитаюсь я по свету.

Случай произошел со мной в первые дни июня. В то время, дорогой читатель, находился я в Грузии и думал оттуда отправиться в Геленджик. Остановился я тогда в небольшой гостинице в заурядном городишке. От

местного жителя слышал я о святой воде, обладающей чудесными свойствами, и решил найти источник. Пришлось мне выбраться к колодцу за этой водой. Находился он далеко от места моего проживания. Дорога заняла полтора часа. Добравшись до места, испил я несколько кружек холодной воды и прилег на сухую землю. Я лениво лежал в низине, окруженной невысокими горами. Невдалеке шумела бурная Арагва. Думал уже подняться и вернуться обратно, как услышал чей-то пронзительный вой. Резко встав, я спешно огляделся по сторонам. Вой раздавался с новой силой, и я направился прямо к его источнику. Место находилось у подошвы горы. Кроме одинокого пастуха, спускавшегося с нее, больше никого я не видел. Дойдя до места, откуда раздавался вой, я пригляделся. Передо мной стала привычная картина. В этих местах хищники часто охотились на местный скот. И здесь было то же самое: крупная корова с рыженькой шерстью выла и пыталась сбежать от стаи шакалов, её окружавших. Один из шакалов вцепился ей в ногу. Они подняли много пыли. Я пытался разогнать стаю шакалов, грозно кричащих, но тщетно. В отчаянии ожидал я развязки. Вдруг что-то быстрое мелькнуло впереди, и через мгновение я разглядел стройную девичью фигуру с кувшином в правой руке. Громко выкрикивая что-то на грузинском языке, левой рукой она стала громко стучать по кувшину. Я никак не ожидал такого поворота и присоединился к ней, громко крича и хлопая в ладоши. Вскоре шакалы, окружавшие бедное животное, понемногу разбрелись по сторонам. А я стал рассматривать свою незнакомку. Она казалась совершенною красавицей. Белоснежная чадра слегка прикрывала ее прямые черты лица, на голове была усыпанная жемчугом и вышитая золотом белая повязка. Лицо ее имело самые миловидные черты: легкий овал с небольшим ровным носиком, темные глаза из-под длинных ресниц; слегка розовые щеки прибавляли детскости ее юному возрасту. Она подошла к корове и принялась рассматривать рану на ноге животного.

-Думаю, она сможет дойти до аула.

Черные глаза ее вопросительно обратились ко мне. Вскоре моя незнакомка ушла за кусты и через некоторое время вернулась с длинной веревкой. Вместе мы привязали веревку к рогам коровы и погнали ее в аул.

Глава 2

За всю дорогу моя спутница не проронила ни слова. Я лишь изредка поглядывал на неё. Затем не выдержал и прервал затянувшееся молчание.

-Как тебя зовут?

Она посмотрела на меня смущенно, но всё же ответила:

- Натиа.

- И что же ты так далеко вышла, Натиа? Тут довольно опасно.

- Я ходила набрать воды из колодца,- ответила она, слегка потупив взор.

Её ответ показался мне немного странным. Ведь я мог судить о людях с первого взгляда. Она не выглядела как здешняя простая жительница. Жемчужное ожерелье выдавало в ней знатную особу, а светлая кожа отличалась от кожи загорелых грузинок. Быть может, она была дочерью одного из местных князей? В раздумьях мы прошли полпути.

Уже начинало вечереть, когда мы дошли до какого-то горного аула. Бедное животное из-за раны несколько раз падало наземь, и нам приходилось поднимать его. Вскоре два грузина забрали у нас животное, а мы остановились возле небольшой крепости. Действительно, моё чутье не подвело меня. Натиа оказалась дочерью местного князя. В этот момент я вспомнил о существовании княжеств в Грузии. Мы отправились к её отцу. У порога она попросила меня подождать, а сама зашла в высокую дверь с железной решеткой. Через некоторое время я услышал недовольное ворчание, но вскоре оно прекратилось, и меня попросили зайти.

- Гамарджоба.

Я поздоровался в ответ на русском и уселся возле стола. Я оказался в просторной и светлой зале.

Отец Натиа оказался типичным грузином старой закалки. Он поблагодарил меня, что не пустил дочь по опасной дороге одну. Приказал подавать ужин. Принесли вина, зелень, мучное блюдо. Называлось оно «хачапури». Отроду не ел я такого блюда. Быть может, я изрядно проголодался. За столом большей частью говорил князь, спрашивал, как я оказался в здешних местах. Я же принял вид внимательного слушателя, хотя на деле ничуть не понимал его. Видать, ему понравились мои молчаливые кивки головой, и, пользуясь радушием и гостеприимством, я остался у старого грузина.

На следующее утро он пригласил меня отведать грузинского красного вина. Я с удовольствием согласился. За весь день Натиа не проронила ни слова. Она сидела подле отца, о чем-то задумавшись.

Глава 3

Старый грузинский князь оказался хлебосольным хозяином. Я стал частенько навещать его. Уже и выучил несколько слов на грузинском языке, как-то: генацвале (дорогой друг), моди (приходи), диди мадлоба (большое спасибо). И все же я не терял надежды увидеться и поговорить с его грузинской красавицей-дочкой. Благо, добрый князь не препятствовал этому. Мы понемногу стали понимать друг друга. Она рассказывала мне о книгах, что читала. Большею частью это были французские романы Дидро и Руссо. Натиа говорила, что родители не знают об этих романах. Просила хранить молчание. Я готов был молчать, ведь она доверяла мне свои тайны. Мог ли знать я тогда, что мне случится узнать тайну покуда страшнее.

Не знаю как, но я позволил сердцу влюбиться. Я подумал: это она, моя Натиа, посланная мне богом. О том, чтобы вернуться в Россию, я напрочь забыл. «Когда-нибудь Натиа раскроет мне свое сердце, свою душу», - думал я, умиленный её тихой красотой и нежностью.

Глубокой ночью лежал я на своей скрипучей кровати, вернувшись в гостиницу, думая о красавице Натиа. Тысячи мыслей и дум роились в моей

голове, как назойливые мухи. Я думал о ней! Моя лань, моя серна, легкая и манящая, моя самая яркая звезда с ночного грузинского неба!

Я знал природу своего характера. Если любить, то со всей душой. Если ненавидеть - из сердца вон и с глаз долой! Увы и ах! Таков характер мой. Читатели простят мне ненужный прозаизм. Сию же ночь я твердо вознамерился просить у князя ее руки.

Глава 4

Наутро мой пыл немного поутих. Но намерения мои, напротив, только окрепли. Я надел свой военный мундир, эполеты и вышел из номера. Дорогой думал о ней, представлял, как зайду к отцу, встану на колени, прося руки грузинской красавицы, когда, наконец, кряхтя, старая повозка доставила меня к воротам крепости. Отец Натиа встретил меня прежней добродушной улыбкой. Он был немного удивлен моему визиту, ибо думал, что я в скором времени покину Грузию. Подшутил надо мной на своем. Думаю, это была одна из тех острых шуток про офицеров. Но я ничуть не обиделся, а сразу изъявил желание уединиться с ним для серьезного разговора. Сейчас, вспоминая об этом, я думаю, что стоило первым поговорить о чувствах с ней, а не с отцом. Конечно, я мог ожидать от нее разговора о невозможности этих чувств, считая это безумием. Я же мог заявить о том, что мы не сможем прожить друг без друга.

Разговор же с отцом я начал сдалека. Говорил о том, что мало кому дано испытывать столь высокие чувства как любовь, что любовь не знает границ. Всё это время князь молчал и выглядел озадаченно. Капельки пота стекали по моим вискам, кончики пальцев нервно подрагивали. Через некоторое время старый князь прервал свое молчание.

-Генацвале! Натиа не говорила тебе?

-Прошу прощения, о чем моя Натиа умолчала?

-Натиа отдана другому. В скором времени она выходит замуж за сына моего дорогого друга. Мы условились устроить свадьбу сразу по

возвращении его со службы.- Мой друг, я прошу тебя повременить с отъездом и погулять на её свадьбе. И как же я не подумал тебя пригласить пораньше? Вот старый черт!

Я, словно пораженный громом, вышел вон. Ни одна мысль не преследовала меня. Лишь ком сдавил горло, не давая вздохнуть.

На следующее утро я уже был на пути к Геленджику. Из воспоминаний о Грузии дорогой написал следующее стихотворение:

На холмах Грузии лежит ночная мгла...

На холмах Грузии лежит ночная мгла;
Шумит Арагва предо мною.
Мне грустно и легко; печаль моя светла;
Печаль моя полна тобою,
Тобой, одной тобой... Унынья моего
Ничто не мучит, не тревожит,
И сердце вновь горит и любит — оттого,
Что не любить оно не может.

1829 г.

Шилов Кирилл Юрьевич, 9 класс
МБОУ «Школа № 21»
Нижегородская область

Письма в метели

«Береги честь смолоду»

— гласила пожелтевшая надпись на последнем листе. Строки дрожали в пальцах, будто это была не бумага, а сама душа.

Снег бил в окно, как будто хотел попасть внутрь — торопился, стучал, просился. Он падал густыми, ленивыми хлопьями, как опавшие лепестки замёрзшей сирени. В комнате было тихо, только часы где-то внизу поскрипывали, как старик, забывший зачем проснулся. Метели Марк никогда не любил. В городе они были шумными и холодными, как разговоры в общественном транспорте. Но здесь, в деревне, среди хлама и тишины, в этой неотапливаемой комнате с облезлыми обоям метель звучала по-другому. Не шумела — шептала. Не пугала — убаюкивала. Она была здесь как живая. Казалось, если задержать дыхание, услышишь её слова: “Жди, читай, слушай...”

И в самом деле, что-то затаённое было в этом снежном гуле. Что-то из детства, из сказки. Из Пушкина. Та самая метель, в которой теряются возки и обретается любовь. Марк бродил по дому без цели, как по чужой жизни, пальцами касался мебели, по привычке заглядывал в тумбы, не ища ничего конкретного. Бабушка ушла год назад, и с тех пор дом будто выдохся. Остались только запах яблочной кожуры, затхлой книги и старая пыль, лежащая поверх времени. Чердак встретил его скрипом лестницы и полумраком. Под самым окном стоял сундук — широкий, с медными накладками, на которых тонко были вырезаны цветы. Они уже почти стёрлись, как воспоминания, но один распустился особенно ясно — роза, похожая на вычурный вензель. Марк открыл крышку. Та отозвалась лёгким всхлипом —

будто не хотела просыпаться. Внутри — платки, кружево, выцветшая перчатка и стопка писем, перевязанных лиловой лентой. Бумага была хрупкой, с лёгким запахом лаванды и чего-то ещё — как будто дождь однажды попал на неё и так остался в ней жить. Марк провёл пальцем по верхнему листу. Почерк — старинный, с росчерками и аккуратными, как кружево, буквами. Он осторожно развернул первое письмо.

“Милостивый государь мой, Пётр Алексеевич. Пишу Вам при свете одной свечи, ибо остальное время нынче занято страхом...”

Он вздрогнул — не от слов, от тона. Эти строки не читались — они звучали. Тихо, почти шёпотом, как будто шли не через бумагу, а прямо в сердце.

“...Отца нашего отвезли в Симбирск, а нас с маменькой оставили в усадьбе. По вечерам я слушаю, как воют волки, и думаю: если и ты сейчас слышишь тот же ветер, значит, мы всё ещё под одним небом...”

Марк сел на пыльный сундук, как вкопанный. Снаружи ветер закрутился в трубе, будто подтверждая — да, они всё ещё под одним небом. Только она жила двести лет назад. И всё же — разве бывает слишком поздно для слов? Марк был обычным двадцатилетним студентом, обучается на филолога в Петербурге. Но его сердце — не в университетских коридорах. Он тот ещё мечтатель, романтик поневоле, один из тех, кто любит писать стихи в заметках телефона и цитирует строки из книг, которые никто больше не читает. С друзьями он говорит о будущем, но живёт больше в прошлом — в книгах, в музыке, в письмах, которые так и не отправил. Его не тянет в шумные компании, он тонко чувствует красоту, но из-за этого же часто страдает — мир кажется ему грубым, слишком быстрым. У него была девушка — Лиза. С ней он чувствовал себя живым. Но испугался слишком сильных чувств, слишком большого “если”. Он отдалился, думая, что так будет правильнее. А потом было уже поздно. В деревню он приехал по просьбе матери — навестить бабушкин дом, разобрать вещи, решить, продавать ли. Но на самом деле — сбежать. От Петербурга, от разговоров о сессии, от фотографий Лизы, которые

всё ещё остались в его телефоне. Он не знал, зачем зашёл на чердак. Но теперь кажется — будто не он нашёл письма, а они нашли его. Он читал медленно, будто боялся нарушить дыхание бумаги. Каждое слово ложилось на сердце — не чернилами, а живой плотью. Лист в его руках дрожал, как если бы в нём оставалась душа той, что писала. Он ловил изгибы строк, старинные обороты речи, будто заново учился чувствовать язык, в котором давно утратил веру.

“Я не знаю, придёт ли мне ещё раз писать Вам, милый мой. Каждое утро — как битва с сердцем, что хочет бежать. Но я остаюсь. Я берегу нашу тайну, как свечу на ветру...”

Он затаил дыхание. В этих строках было что-то такое, от чего внутри обрушивалась стена — та самая, что он годами строил между собой и теми, кто пытался его понять. Слово “свеча” пронзило особенно. Почему-то вспомнилась Лиза. Как она, дрожа от холода, стояла на его пороге с термосом в руках и глупой шапкой, которую он всегда дразнил. Она говорила:

— Мне не нужно, чтобы ты меня любил. Просто будь рядом, слышишь?

Он молчал тогда. Молчал — не потому что не чувствовал. А потому что чувствовал слишком сильно. Потому что знал: если скажет, если останется, то откроется настолько, что уже не сможет быть прежним. А он боялся быть сломанным. Боялся быть нужным кому-то настолько, что это станет болью. Он отдалился, как Пётр, из письма, выбрал молчание, как якобы взрослое решение. И вот теперь чужие слова из другого времени напоминали ему его собственную ошибку. Ледяной воздух с чердака будто обнял его за плечи. Письмо шуршало в ладони, словно спрашивало:

“Ты и дальше будешь молчать?”

Он не знал, что ответить. Марк провёл рукой по письму — медленно, с почти суеверной осторожностью, будто боялся стереть последние следы чьей-то любви. Бумага зашуршала — не как вещь, а как голос, как шёпот, застрявший между веками. Она была тёплая — или, может быть, это руки Марка вспыхнули от того, что он чувствовал: он не просто читает, он прикасается к чьей-то душе. На дне сундука — ещё несколько писем.

Некоторые раскрыты, другие хранили свою тайну под сургучом. Он потянулся за одним — самым старым, выцветшим, с обрывком ленты и потускневшим вензелем на конверте. В ту же секунду сквозняк вбежал в чердак, заставив занавеску вздрогнуть, как сердце. Марк не испугался. Он был будто во сне — где всё на своём месте, хотя и неправдоподобно. Он разорвал печать. Аккуратно, почти благоговейно. Изнутри пахло пылью, воском, и чем-то неуловимо нежным — как духи, уцелевшие сквозь столетия. Чернила были чуть расплывшимися, но всё ещё живыми.

“Если ты читаешь это, значит, я решилась. Я не знаю, буду ли я счастлива. Но я не хочу умереть, не сказав. Я люблю тебя, Пётр. Я любила всё это время. Даже когда ты молчал. Даже когда ты выбрал честь, а не меня...”

Марк знал: это было время великой бури. Пугачёвское восстание, пожар на юге, кровь в травах и страх на губах. Пётр, скорее всего, был офицером. А она — Анна — осталась в имении, ждать, бояться, надеяться. И писать. Потому что письма были её единственной формой выживания.

“Я слышу за окном крики. Люди бегут, жгут, проклинаят господ. А я... я сижу и молюсь за тебя. Писала ли тебе твоя мать? Не знаю. Но знай — если ты падёшь, я паду с тобой. Не телом — сердцем...”

Марк ощущал, как с каждым словом проваливается глубже — туда, где чужое чувство становится твоим. Он уже не просто читал — он проживал. Как будто ступал вниз по винтовой лестнице, уходящей вглубь, в самую сердцевину времени и боли. Слова шли как по ступеням: всё глубже, всё ближе. Марк почувствовал, как сжалось горло. Не от простуды, не от холода чердака — от внезапной, оглушающей правды. Он держал в руках доказательство любви, прожитой до конца, до боли, до пепла. Такой любви, какой он не позволил себе. Он вспомнил, как Лиза стояла у окна его комнаты, сжимая в пальцах письмо, которое так и не отдала. Она хотела остаться. А он сделал шаг назад — не потому, что не любил, а потому что был уверен: любовь — роскошь, на которую не имеет права. Он выбрал учёбу, карьеру, долг. Всё, кроме неё. Он встал. Медленно. Будто с плеч сбросили не только пыль веков,

но и собственный груз — нерешительности, упрямства, вины. Он подошёл к окну, где метель всё ещё чертила свои неведомые узоры. И вдруг ему почудилось... нет, не почудилось. На мгновение за стеклом проступил силуэт. Женский. Эта тень подняла руку в застывшем жесте — то ли прощания, то ли ожидания. Он замер. Хотел окликнуть, но силуэт исчез. Только белое поле, вьюга, да старый ворон, усевшийся на карниз, криво склонив голову. Он посмотрел на письмо, ещё раз перечитал последние строки.

“Я люблю тебя, Пётр. Даже если ты меня не выбрал — я уже выбрала тебя навсегда...”

Слова звенели в груди. Не требуя ответа. Лишь напоминая: выбирать — это тоже действие. И не всегда есть второй шанс. Марк прижал письмо к груди. Закрыв глаза.

— Прости, — выдохнул он.

Кому Марк сказал — он уже не знал. Может, ей. Может, Лизе. А может, себе. Метель за окном замерла на миг. Будто слушала.

Номинация «Эссе»

Косых Елизавета, группа 24-171

*КГБПОУ «Канский политехнический колледж»,
Красноярский край*

Пушкин – первый блогер? Остроумие, эпатаж и публичность в его творчестве и переписке.

Представьте: в вашей ленте мелькает пост – «Сегодня опять видел царя. Нахал не поздоровался. Может, стишок написать про него?» Подпись: «Ваш Сашка Пушкин». Лайки, репосты, комментарии: «Гений!», «Опять на грани блокировки!», «Цензура уже в пути».

Александр Сергеевич Пушкин, живший два века назад, вел себя как типичный инфлюенсер: остроумный, дерзкий, иногда провокационный. Его письма – готовые посты для соцсетей, а стихи – виральный контент, расходившийся в рукописных копиях быстрее, чем нынешние мемы. Так был ли Пушкин первым русским блогером? Давайте разбираться.

У Пушкина не было Instagram, но была слава. Его стихи переписывали от руки, заучивали наизусть, передавали из уст в уста. Произведения, такие как «К Чаадаеву» или «Во глубине сибирских руд...», расходились действительно быстро.

А его эпиграммы? Это чистый троллинг! Вот пример:

«Полу-милорд, полу-купец, Полу-мудрец, полу-невежда...»

(Намек на графа Воронцова, который потом и способствовал ссылке поэта).

Пушкин не боялся эпатировать, провоцировать, шутить на грани. Разве не так ведут себя современные блогеры, набирающие хайп на скандалах?

Переписка Пушкина – готовая лента соцсети. Он пишет друзьям колкости, шутит над властью, жалуется на цензуру и даже... флиртует в письмах!

Остроумные статусы «*Чорт догадав мене родитися в Росії з душою і талантом!*» – типичный «сторис» творческого человека, недовольного системой.

Жалобы на модерацию (цензуру): «*Цензура – это дышло: куда повернул, туда и вышло*».

Драмы в личке: В письме Наталье Гончаровой он пишет: «*Я вас люблю, хоть я бешусь, хоть это труд и стыд напрасный...*» – разве не похоже на сообщение влюбленного блогера?

Если бы у Пушкина был Telegram, он бы собирал донаты за эпиграммы, а его канал заблокировали бы после третьего стиха про власть.

Как любой популярный автор, Пушкин наживал врагов.

Царская цензура это бан в соцсетях. Николай I лично редактировал его тексты – представьте, как президент вручную проверяет посты оппозиционного блогера.

Дуэли - это отмены (кэнселинг). Пушкин дрался из-за оскорблений – сегодня бы его затроллили в твиттере, а он ответил бы гневным тредом.

Ссылки – это блокировка аккаунта. Южная ссылка – это как удаление страницы за «экстремизм».

Но чем больше его запрещали, тем популярнее он становился. Разве не то же самое происходит с провокационными блогерами сегодня?

Пушкин не просто писал – он создавал тренды:

Короткие форматы: эпиграммы, афоризмы – как нынешние твиты.

Личный бренд: образ вольнодумца, романтика, бунтаря.

Вовлечение аудитории: его стихи цитировали, спорили о них, как сейчас обсуждают посты топовых авторов.

Если бы он жил сегодня, его Tik-Tok был бы полон стихов под биты, а в Twitter он бы троллил чиновников.

Да. Он шумел, эпатировал, нарушал правила, но главное – оставался искренним. Его «контент» пережил века, потому что говорил о вечном: о любви, свободе, человеческих слабостях.

Так что, если вам кажется, что блогеры – явление нового времени, вспомните Пушкина. Он первым показал, что можно быть популярным, остроумным и неудобным. И пусть вместо экрана у него было перо, а вместо подписчиков – читающая публика, суть та же: главное – не бояться быть собой.

*Байняжева Кира Романовна, 9 класс
МБОУ СОШ № 3 им. А.С. Пушкина г. Пятигорска,
Ставропольский край*

Мой Пушкин

Я стою в парадном зале музея Пушкина , и в воздухе , кажется, до сих пор витает дух XIX века. На стене большая картина : на ней изображен великий русский поэт. Он сидит на скамье , задумался и , кажется, хочет сказать мне и в моем лице всем сверстникам : «Здравствуй, племя младое, незнакомое !» И я тихо говорю : «Здравствуйте, Александр Сергеевич!»...

Сегодня моя первая экскурсия для школьников, и я волнуюсь : смогу ли передать ту любовь к поэту , которую чувствую сама? Когда я впервые переступила порог нашего школьного музея, посвящённого Александру Сергеевичу Пушкину, я даже не подозревала, как сильно это изменит мою жизнь. Казалось бы, что может быть необычного в старых книгах, портретах и пожелтевших письмах? Но с каждой новой экскурсией я всё больше понимала: Пушкин — это не просто классик из учебника, а живой, близкий человек, чьи строки звучат так, будто написаны вчера.

Теперь, проводя экскурсии для школьников, я стараюсь передать не сухие факты, а ту искру, которая зажигает сердца. В этом эссе я хочу поделиться своими размышлениями о том, почему А.С. Пушкин остаётся современным, как музей помогает оживить историю , что значит для меня быть юным экскурсоводом.

Многие думают, что Пушкин — это что-то далёкое, почти музейное (в прямом смысле слова). Но стоит только вчитаться в его строки, и становится ясно: он говорит о том, что волнует нас и сегодня. В «Евгении Онегине» поэт пишет: «Но я другому отдана; я буду век ему верна.» Эти строки Татьяны Лариной до сих пор вызывают споры. Кто-то восхищается её верностью, кто-то считает это жертвой. Но важно то, что Пушкин заставляет нас задуматься: а как бы поступили мы? На экскурсиях я часто спрашиваю ребят: «А вы бы

смогли, как Татьяна, отказаться от любви ради долга?» И каждый раз начинается бурное обсуждение. Значит, Пушкин и сейчас умеет трогать сердца.

Стихотворение «Во глубине сибирских руд...» посвящено декабристам, но разве сегодня нет людей, готовых бороться за свои идеалы? Когда я рассказываю о ссылке самого Пушкина, о его смелых стихах, школьники понимают: поэт был не просто «солнцем русской поэзии», а человеком, который не боялся говорить правду. А как трогательно звучит «Зимнее утро»! «Мороз и солнце; день чудесный!» Казалось бы, просто описание природы, но в этих строчках — радость жизни. И я вижу, как после экскурсии ребята иначе смотрят на привычные вещи: на первый снег, на осенний лес. Пушкин учит нас видеть прекрасное в обыденном.

Наш музей небольшой, но в нём есть удивительные экспонаты: старинные издания Пушкина, копии его рукописей, даже макет домика в Михайловском. Когда я рассказываю о них, мне кажется, будто я переносусь в XIX век. Однажды я нашла в архиве музея копию письма Пушкина к другу. Он писал: «Чёрт догадал меня родиться в России с душою и талантом!» Эти слова поразили меня. В них столько эмоций: ирония, горечь, но и любовь к Родине. Теперь я всегда включаю это письмо в экскурсию — оно помогает показать Пушкина не как «икону», а как живого человека.

У нас есть перо, подобное тем, которыми писал поэт. Когда я разрешаю ребятам подержать его (конечно, осторожно!), они замирают: «Неужели Пушкин тоже так держал перо?» В этот момент история становится осязаемой. Мы не просто ходим по залам — мы играем в викторины, читаем стихи по ролям, даже пробуем писать перьями. Однажды пятиклассник после такого мастер-класса сказал: «Теперь я понимаю, как трудно было Пушкину исправлять ошибки — ластика-то нет!»

Когда я начала вести экскурсии, то думала, что просто учу других. Но оказалось, что учусь я сама. Я не имею права ошибаться в фактах — ведь я говорю о великом поэте. Приходится перепроверять каждую дату, каждую

цитату. Сначала я просто заучивала текст, но потом поняла: важно видеть реакцию людей. Если ребята скучают — надо сменить тему, если загораются глаза — углубиться в детали. Когда после экскурсии кто-то говорит: «Я теперь хочу прочитать всего Пушкина!» — это самая большая награда.

Пушкин когда-то написал: «Я памятник себе воздвиг нерукотворный, к нему не зарастёт народная тропа...» И он был прав. Да, прошло почти два века, но люди всё идут к нему — через книги, фильмы, музеи. А я счастлива, что могу быть проводником на этой тропе. Когда-нибудь я вырасту, закончу школу, но уверена: Пушкин останется со мной навсегда. И если хоть один человек после моей экскурсии полюбит его стихи так же, как я, значит, я сделала что-то важное. Ведь Пушкин — это не прошлое. Он — наше настоящее. И, надеюсь, будущее.

*Мещеряков Егор Александрович, 11 класс
МБОУ «Школа № 99» г. о. Самара,
Самарская область*

Пушкин в моей семье

Солнце. Море. Вода прозрачная...

-Не хочу на берег, не хочу...,-кричу, губы синие, дрожу, глаза, полные слёз.

Но мама вытаскивает меня на берег, кутает в полотенце, а я всё реву...Мне четыре года. На следующий день всё повторяется. И тогда бабушка, решительно вмешавшись в наш процесс отдыха, заявила, что надо поменять режим, отвлечь ребенка от только плескания в море. Сказано-сделано. Утром мы отправляемся на прогулку по городу. Заходим в музей. Моя детская память, конечно, мало что сохранила, но некоторые эпизоды помню очень хорошо. В музее прохладно. Тихо. Взрослые шепчутся, передвигаясь от одной картины к другой. Почему-то это особенно врезалось в мою память. Мы с бабушкой тоже молча ходим по залу Мне совсем неинтересно, хочется в воду, плескаться, в песочек, на солнышко. И вдруг... Я увидел море на картине, но не моё, куда мне не терпелось прыгнуть и нырять, нырять, воображая себя рыбкой, а тёмное, в волнах и рядом человека, глядящего в эту морскую пучину. Только потом я узнал, что это была картина «Прощание Пушкина с морем» величайших Айвазовского и Репина.

Зацепило...

-А море бывает и такое? Дома не перестаю мучить бабушку вопросами. Что? Кто? Почему? Вот тогда - то в первый раз и узнал, кто это-Пушкин.

Начались сказки... На ночь, днём. Был я не садиковский, часто болел, поэтому рядом всегда бабушка. Благодарен судьбе за это. Скоро все сказки знал чуть ли не наизусть. Особенно впечатлила « Сказка о попе и его работнике Балде». Как сейчас помню, сколько было вопросов и к бабушке, и к маме.

-Что это-толоконный лоб? Почему Балда? А полба? -хочу попробовать тоже... Но главное я усвоил уже тогда: необходимо трудиться и быть честным. По правде говоря, бывало, что лень и бывало, что скажешь где-то неправду, но старался следовать выводам из этой сказки.

Взрослею... Уже школьник. Задали учить наизусть «Мороз и солнце». Так я этот стих давно наизусть знаю! Ещё в пятилетнем возрасте выучил про нашу зиму, про нас с вами. Эх, и красиво описание природы, начинаю понимать Пушкина, его умение видеть в обыкновенном необыкновенное, но пока еще не осознаю, что это Гений.

Школьные годы летят.

«Узник» - уже знаю кое-что из биографии Пушкина, понимаю, о чем он пишет, жалко... Почему все так несправедливо в мире? Много читало не из школьной программы, спасибо бабушке. Пробую разбираться в хитросплетениях судьбы поэта. Интересно. Пушкина полюбил очень сильно. Читая, размышляю. В 9 классе увлекся «Маленькими трагедиями»: «Скупой рыцарь», «Пир во время чумы», «Каменный гость», «Моцарт и Сальери». Перечитал, задумался... Проживая жизнь героев, сопоставлял со своей. Понравился «Скупой рыцарь». Сравнил. Почти такая же ситуация, как у Барона и Альбера. Отец помогает, но мог бы и больше, также «над золотом чахнет». Я буду другим...

«Евгений Онегин»... «прошли». Но нет... Конечно, я многое понял, но хочу вернуться к этому произведению, заново перечитать, вникнуть в Пушкина, пропустить через себя не только содержание, но и взгляды, увлечения, пристрастия поэта. Понял, почему «энциклопедия русской жизни».

Многое мне предстоит узнать и о жизни любимого поэта, и о его произведениях. Очень хочу посетить места, связанные с жизнью Пушкина... Но это будет потом. Верю, что сбудутся мои мечты. Ведь с возрастом любовь к поэту только крепнет, пришло наконец понимание его гениальности.

А у меня... Все еще впереди у меня.

***Список работ, отмеченных жюри конкурса, как отличившиеся
выразительным языком, глубоким смыслом и личным отношением к
теме, связанной с творчеством А.С. Пушкина.***

Номинация «Поэзия»

«Разговор с кумиром» – Куренкова Аделина

«Поэма о любимых героях» – Догадина Виталина

«Пушкин – солнце! Пушкин – гений!» – Терещенко Анна

«О, Пушкин...» – Вердиева Марита

Номинация «Проза»

«По протоколу» – Рост Арина

«Последняя тайна графа Альдеберта» – Шкута Аглая

«Таинственный гость» – Бельгушева Дисана

Номинация «Эссе»

«Вечно живой источник русской словесности – Гирченко Ксения

«Мой Пушкин – Кузнецова Елизавета

*«Фонтан любви, фонтан живой», или «Встреча с вечностью и с поэтом»
– Лемешко Ирина*

Номинация «Поэзия»

Куренкова Аделина, 11 класс

*ГКОУ РО «Ростовская санаторная школа-интернат № 28»,
Ростовская область*

Разговор с кумиром

О Пушкин! Мой гений! Кумир на стене!
Поведаю Вам, что случилось в стране
За двести промчавшихся молнией лет
И Как изменился России портрет.

Перо заменил холодный экран,
Поэзия нынче – забытый туман.
Не бал и дуэль, а «лайки», «посты»
По большей части людям важны.

Вместо искусства – неживой интеллект,
Есть информация, но сердца в ней нет.
Любовь – это смайлик, а дружба – лишь чат,
Встречает рассвет одинокий закат.

В реальности мало дружеских встреч,
Бедна и пуста молодежная речь.
Мечтать о «высоком» немодно теперь,
В культуру закрылась наглухо дверь.

В театрах – модерн, а в сердцах – пустота,
И гений, как призрак, блуждает в местах,
Где жили величие, мудрость, покой,
А нынче лишь хаос, да шум городской.

Не знаю, что скажете Вы, мой кумир,
На этот стремительный, скомканный мир.
Но верю, что в ритме мелькающих дней
Еще не погасла душа у людей.

*Догадина Виталина, 10 класс
МОУ «СШ с УИОП № 38 Красноармейского района Волгограда»,
Волгоградская область*

Поэма о любимых героях

Я беру, не помню раз в который,
Книгу в обветшалом переплете.
Здравствуйте, любимые герои!
Расскажите, как вы там живете?
Помнишь ли, повеса беззаботный,
Как ты дом родительский покинул,
Наслаждался ветреной свободой,
А потом в буране чуть не сгинул?
Помнишь ли бродягу – оборванца,
Что возник сквозь снежную завесу?
Так впервые встретил самозванца
Беззаботный юноша-повеса.
Пожалел тогда юнец бродягу,
Чтобы тот мог чуточку согреться,
Приодел он в шубку бедолагу:
Так ему подсказывало сердце.
Если б знал тогда Гринев Петруша,
Что в тот день, когда тулуп подарит,
Не бродягу он спасет от стужи-
Он «царя» от холода избавит.
А когда страшнее урагана
Пронеслась угроза лютой смерти,
Вспомнил про тулупчик царь-бродяга
И избавил юношу от петли.
И не раз друзей-врагов опальных
В роковые дни судьба сводила,

Но ни разу юноша отважный
Не нарушил чести дворянина.
Машенька со взором кротко-нежным,
Пред тобою сердце замирает-
Чистый образец любви безбрежной,
Той, что возвышает и спасает.
Сколько же суровых испытаний
Выпало тебе, душа, на долю!
Мать с отцом подверглись лютой казни,
Ты попала к подлецу в неволю.
Нет преграды для любви великой:
Милый друг явился а тобою.
И пришел на помощь царь мужицкий –
Тот, кто тебя сделал сиротою.
Наконец пришло освобожденье,
Но не кончились твои страдания:
Милый оказался в заточенье
По доносам ложным негодая.
Сколько же в тебе, душа-девица,
Стойкости и мужества таилось,
Если ты к самой императрице
С просьбой о спасении явилась!
Милые, любимые герои!
Хорошо, что я о вас узнала.
Для меня вы – вечная опора.
В дни тревог, волнений и печали.
Ваши судьбы – символ неизменный
Верности, любви, духовной силы.
Славься, наш литературный гений-
Гордость и величие России!

*Терещенко Анна, 9 класс
МБОУ «Погромская СОШ им. А.Д. Бондаренко»,
Белгородская область*

Пушкин – солнце! Пушкин – гений!

Пушкин – солнце! Пушкин – гений!
Пушкин – это волшебство!
Сколько чудных нам мгновений
Подарил талант его!

Зорек был «старик Державин»,
Оценил поэта пыл –
На века он, к русской славе,
Юношу благословил.

Строчек мир сияет ярко,
Дуб зелёный шелестит,
И бессмертная русалка
На ветвях его сидит.

Всадник медный... Даль открыта –
Там, за вольною Невой,
А старуха у корыта
Лишь качает головой.

Пряжу пряхь не перестанут
Три девицы под окном...
В никуда слова не канут,
Гений рядом, он – кругом.

Зори гаснут, зори всходят –
«Всё мгновенно, всё пройдёт...»,
Только Пушкин не проходит,
Новой встречи с нами ждёт.

Вердиева Марита, 9 класс

*МБОУ СОШ № 24 им. И.И. Вехова, ст. Александрийской,
Ставропольский край*

«О, Пушкин...»

И пока звучит русское слово,
Пока память в груди жива,
Будет Пушкин...

И будем снова, открывать его для себя.
Как лёгкий шорох пера по бумаге,
Как отблеск свечи в ночном окне —
Твой стих, о Пушкин, дышит тайной,
Бессмертной грустью о стране.

Ты — шелест листьев в Царскосельском парке,
Где юный гений строки обронил,
Ты — отзвук медный в петербургском барке,
Что вечно бьётся о гранит.
Ты — старый Дуб у Лукоморья,
Где Кот Учёный сказки говорил,
Ты — чудное мгновенье.
Гений вещий...

Что строки щедро нам дарил.

А сколько тайн в твоих стихах сокрыто
То смех, то гнев, то шёпот старых лип...
Пусть годы гаснут, как свеча на ветре,
Но тень твоя - бессмертна, как язык.

Номинация «Проза»

*Рост Арина, 11 класс
МБОУ «СОШ № 54»,
Кемеровская область*

По протоколу

В рабочей иерархии небес всё очень просто: есть те, кто создаёт мир, и те, кто наводит порядок после их творений.

Первыми, Творящими, становятся серафимы да херувимы, иногда престолы. По-настоящему важные лица, чего уж спорить. Творят своими действиями будущее рода человеческого, людей на свершения толкают и в ответ получают дифирамбы в свой адрес. Для работы им дают оружие, чаши для кровавых потоков и множество украшений, созданных для ослепления смертных одним только блеском. Вполне предсказуемо, что с таким набором их методы, весьма устаревшие, оставляют далеко не одно пятнышко... и не одно колюще-режущее.

Разумеется, ни первое, ни второе вышестоящие убирать не обязаны. Этим занимаются простые рядовые ангелы в запылившихся белых одеяниях и с завязанными в кривой пучок волосами. В отличие от венценосных коллег им, Чистильщикам, дают лишь коробочку со швейными принадлежностями, тряпки и бурдюк с водой.

Впрочем, ангелы никогда и не жаловались. Наоборот, многие искренне считали, что им повезло занять это место. Всё-таки, люди – создания крайне буйные, полные эмоций и природного инстинкта отбиваться от каждого, кого сочтут опасным. Творящие периодически жалуются на них. Мол, вместо того, чтобы сразу принять волю божью, начинают убегать, кричать и рыдать. Толку от людских протестов нуль, а время тянут знатно, даже грубят иногда.

Чистильщикам всё же поспокойнее. Когда наступает их рабочий час, человек уже лежит в предсмертном сне, изредка дёрнется, а так само

смирение. Особенно хорошо дело шло, когда Творящий застал божьего избранника не посреди улицы, а в отдалённых точках. Прямо как сейчас.

Пустыня – блаженное место для работы. Тонны песка на километры вдаль, живую душу с огнём не сыщешь. Тишь и благодать.

– Так-с, и что у нас тут? – тощий ангел в очках с толстой оправой склонился над еле дышащем телом. – Ясно... Поэт! Так-с и запишем.

Чистильщик достал свёрток, перо с чернильницей и принялся описывать свершённое Творящим.

Узнать в этом человеке поэта было довольно просто. Как правило, единственной схожестью в одарённых оказывался только горящий уголь вместо сердца. В остальном – сплошные различия. Например, к ушам музыкантов Творящие не просто прикасались, открывая все звуки огромного мира вокруг, а проявляли крайнюю жестокость – вырывали одним резким движением, не забыв порвать раскалённой иглой слуховые перепонки. После такого люди слышали через вбитые молоточком морские ракушки. А художники всегда лишались пальцев. Творящие отрубали весь десяток быстрыми и точными движениями, после чего вставляли вместо них кисти из слоновой кости да лошадиного волоса.

– Так-с, жало змея... даже мудрого. Работа на совесть, но слишком грубая. Впрочем, как всегда, – записал ангел, оглядывая лежащего. В угол свёртка добавилась приписка: «Слух усилен до уровня содрогания неба; глаза открыты, шокированы».

Человек казался алым на фоне бледного песка. Творящие действуют быстро, от того неаккуратно. Этому юноше грешный язык вырвали, а жало вместо него не пришили, так, вставили на скорую руку. Впрочем, ангела такой расклад нисколько не удивлял. Да и шить ему нравилось больше, чем управляться клейкой смолой.

Разложив у тела поэта тканевый коврик со всеми принадлежностями, Чистильщик с интересом принялся выбирать цвет ниток. Сперва думал помягче взять, чтобы со стороны шов походил на шрамик, но подумал чуток

и решил, что светлее сочной вишни брать нельзя. Поэты они ведь люди такие, языком правду доносят, а значит сразу видно должно быть, что всё по правилам сделано и во рту красуется жало. С иголкой вопросов не было. Рот у юноши маленький, значит стандартная игла не пойдёт, не пальцы ж пришивать. Вот и взял ангел самую крохотную иголочку из всех, что была в наборе, нитку в ушко вставил, и пошла работа.

– Потерпите чуток, господин поэт, – сказал Чистильщик человеку, на одно мгновение очнувшись от боли, когда игла прошла через корень старого языка, пришивая к нему жало. – Вы ведь нынче пророк, вам теперь по жизни терпеть придётся... Люди бывают глупые, до них сложно умную мысль донести. А чем человек глупее, тем сильнее он бьёт. Парадокс, так-с сказать.

Нитка проходит ровно, без единого, кроме требуемых стежков, узелка. Грязно только, всё от крови поалело. Увы, не положено уставом внутри человека мыть, даже если речь идёт о рте. Приказало начальство только снаружи протирать, значит, так оно быть и должно.

– Вот и готово, – ангел сделал последний скрепляющий стежок. Чуть повертел в руках голову поэта, подёргал за новый язык и улыбнулся своей же работе. – Сейчас я вас, господин поэт, в груди зашью, а потом обмою. Вы только, пожалуйста, не приходите в себя раньше времени, – обратился к бессознательному Чистильщик и скромно поправил очки, пачкая кровью мост.

Просьба ангела не была безосновательной. Уж больно неприятно порой проходила сия процедура. В грудь избранным клали уголь не простой, а самым солнцем зажжённый, отчего тот обжигал пальцы даже опытным ангелам. Долго потом крохотные ожоги давали о себе знать, а порой и вовсе оставляли за собой шрамики. К тому же, многие люди начинали брыкаться, когда пылающую породу зашивали внутрь их тела. Ангел не знал, каково это, но догадывался, что весьма неприятно.

Вставив светлую нить в ушко иглы, – на этот раз длинной и изогнутой – Чистильщик продолжил работу. Кожа у этого поэта была нежная, сразу выдающая выходца приличного рода, от того легко поддавалась шитью. Только редкие капельки крови выступали из проколов, но на фоне общего безобразия в глаза не бросались. Ангел старался не торопиться, чтобы не пугать поэта внезапным пожаром внутри. Человек ведь существо хрупкое такое, его, как котёнка, жалко. Разве что, кошки не могут кулаком ударить Чистильщика в глаз, когда боль внутри станет особенно сильной. Эти моменты тощий ангел с толстыми очками терпеть не мог. Сшивать людей обожал, а этого всегда опасался. Только Творящим людские удары нипочём, а рядовых работяг их крепкостью не наделили.

Впрочем, этот человек бить не спешил. Даже когда ангел вовсю подходил к завершению работы, предварительно на всякий случай сняв очки, юноша лишь продолжал смотреть куда-то в бок сквозь приоткрытые веки.

– Так-с, вот и всё, пожалуй. Ближайшие сутки может жечь, но это пройдёт, – со знанием дела произнёс ангел, когда последний стежок на груди поэта был затянут.

Одно смущало: тот не брыкался, даже писка не издал, хотя по протоколу уже должен был прийти в себя.

Ангел озадаченно нахмурился и почесал затылок, пачкая небрежный пучок светлых волос. Он попробовал потрясти поэта за плечо, но никакой новой реакции не последовало. Легонько пнул под дых – грубый, но проверенный метод, – однако человек продолжал лежать трупом.

– Так-с, задача... – задумчиво протянул Чистильщик, тыкая пальцем в щёку поэта. В голове уже начали зарождаться опасения, как бы вдруг уголь не оказался настолько пылающим, что прожёт бедняжечку изнутри. По правилам, конечно, этого никак быть не могло, но тогда и спать этот избранник небес столько не должен.

Ангел решил подождать ещё немного. Десять минут, полчаса, час... Он бы долго так сидел, если бы не уснул на втором часу и не проснулся на четвёртом.

Поэт не подавал признаков жизни.

– Так-с... Не уж-то в самом деле помер? – изумился Чистильщик, когда не сработало даже тыкание иголками в мягкие части тела: пятки, бока, внутренние стороны колен и локтей. – Нет, ну это уже совсем не по протоколу!

Ангел с лёгкой ноткой брезгливости отпрыгнул от юноши. Сама по себе смерть – штука естественная, привычная для слуг Господа, только вот напрямую с настоящими трупами работать не приходится. По протоколу не обязаны. Тому самому, который сейчас совсем не работал. По плану, поэта уже давно надо было помыть, но по негласному правилу это следовало делать, когда тот в сознании. Так сказать, чтобы не застать человека случайно врасплох. Всё-таки, некоторые люди по своей природе стеснительные и зажатые.

Затянув пучок посильнее, ангел принялся хаотично думать. Допустим, избранный и правда отошёл душой в мир иной. Вопрос в другом: кому за это отвечать? Серафима явно не накажут, у него по статусу неприкосновенность. Даже если истинная вина лежит на нём, отвечать заставят простого ангела. Это, конечно, не было прописано в протоколе, но Чистильщик понимал всё сам. Ситуация выходила тяжкая, а значит решение должно быть не менее отчаянным и самую малость безумным.

– Так-с, не считите за грубость, господин поэт, но обстоятельства обязывают... – ангел приоткрыл рот юноши и поднёс к губам чернильницу. – Я сам чернила не пью, но предполагаю, что если человек вроде вас хоть чуточку живой, то его этот вкус с того света достанет...

И стал каплю за каплей вливать в рот избранника божьего. Сперва боязливо, лишь пачкая губы, затем уже, не заметив реакции, вылил всю чернильницу прямо на новый язык. Тьма активно поглощала красивый алый

цвет и уже было текла в глотку, как поэт издал громкий кашель. Он шустро перевернулся на живот, с омерзением сплёвывая чернила на песок.

– Живой! – Чистильщик радостно захлопал в ладоши.

Поэт косо глянул на него, продолжая отплёвываться.

– Так-с, а теперь, господин поэт, пора и в порядок вас привести, – ангел с улыбкой присел на корточки рядом с новоиспечённым творцом, достал бурдюк с водой и тряпку. – Всё по протоколу!

Шкута Аглая, гр. РМ-24
ГБПОУ «Донецкий технологический колледж»
Донецкая Народная Республика

«Последняя тайна графа Альдеберта»

Глава I

Осенние листья кружились над Петербургом, ложась на мокрую землю золотым ковром. Утро молодого врача Александра Доронина началось, как обычно, с пробежки. Здоровый образ жизни он вёл с самого детства и не понаслышке знал о правилах долголетия. Медицина увлекала юного Сашу и, когда пришло время выбирать профессию, он, не раздумывая, решил стать врачом.

Капли дождя барабанной дробью стучали по ветхой крыше старого дома, стекали на ступеньки старенького крыльца. На горстке прелой листвы, неподалеку от ступенек, лежал конверт, запечатанный черным сургучом с фамильным гербом. Вернувшись домой, Александр сразу же заметил необычное письмо. Ему было известно, что сургуч – это плавкая, окрашенная смесь из твердой смолы, и используют сургучную печать в том случае, если нужно подчеркнуть особую конфиденциальность письма. Домыслы охватили разум врача, что за силу и тайну хранит это письмо и почему адресант выбрал именно его? Раскрыв конверт, дрожащими губами он прочитал лишь несколько строк: «Если совесть ваша чиста, а рука тверда, явитесь сегодня в полночь к замку на Мойке, 13. Граф Альдеберт ждёт вас для последней исповеди».

Имя графа было известно всем: старинный род, несметные богатства, странные слухи. Говорили, что в его доме бывают призраки, что он знается с алхимиками, и что его жена исчезла при загадочных обстоятельствах. Доронин, человек науки, никогда не верил в мистику, но, любопытство взяло

верх и, поборов свой страх, он поспешно направился по указанному в письме адресу.

Глава II

Полночь. Тени сгущались у подножия замка, будто стоя черных псов, выжидающих своего часа. Острые, как кинжалы, башни врезались в бледное небо, а окна, словно зажмуренные от страха глаза, хранили тайны, от которых стыла кровь. Ступени, изъеденные временем, казались не просто живыми – порой в ночной тишине из-за них доносилось чье-то прерывистое дыхание. Сделав глубокий вдох, врач почувствовал, будто воздух в замке пропитан запахом старого вина. Дверь в графский кабинет – место, куда не ступала нога прислуги, отворилась сама — внутри ни души, только мерцающие свечи. На полках хранилось множество склянок, с мутной жидкостью, где плавали тени, похожие на зародыши. От всего увиденного Александра бросило в холодный пот и, казалось, он даже перестал дышать. В кабинете, обтянутом тёмным бархатом, сидел сам Альдеберт. Лицо его было бледно, как у мертвеца, но глаза горели неестественным огнём.

«Вы пришли...» - прошептал он. «Значит, не боитесь». «Чего мне бояться? - ответил Доронин, стараясь скрыть дрожь в голосе. - Смерти. И того, что за ней». Граф медленно поднялся, подошёл к шкатулке и извлек пергамент. «Три года назад я заключил договор... не с человеком».

Глава III

Он рассказал, как после смерти жены, страдая от невыносимой потери, не вынеся горя, призвал того, кто даёт силу и получил её — богатство, власть, знания. Но цена была страшна - душа после смерти. «Теперь мои дни сочтены - произнес граф, сжимая пальцами стопку бумаг, - но я нашёл лазейку в договоре...».

Глаза графа снова вспыхнули ярким огнем. «Если перед смертью моё тело будет сохранено без тления, дух не сможет покинуть его. И тогда... я

останусь». Врач понял, зачем его позвали. «Вы хотите, чтобы я..., - Да. Остановите смерть. Хотя бы на время».

Глава IV

Операция длилась всю ночь. Доронин, дрожащими руками, вводил растворы, которые граф приготовил заранее. Когда первые лучи солнца коснулись штор, Альдеберт вдруг застыл. Его грудь перестала дышать, но, глаза оставались открытыми.

«Граф?», - тихо позвал врач. И тогда «оно» заговорило. Голос был похож на графский, но в нём слышалось совсем иное. «Спасибо, доктор... теперь я свободен».

Глава V

Доронин в ужасе отпрянул. Тело графа оставалось неподвижным, но губы шевелились. «Вы думали, что обманете Его? Нет...Это Он обманул Вас!».

Последнее, что увидел Доронин, как кожа графа начала осыпаться, словно пепел. А через неделю в газетах написали: «Известный врач Александр Доронин скоропостижно скончался при странных обстоятельствах. Причина - остановка сердца». Но те, кто верил в мистику, шептались, что в ночь его смерти на Мойке, 13, смеялись двое...

*Бельгушева Дисана, 10 класс
МКОУ СОШ № 2 им. К.Х. Кизова, с.п. Плановское,
Кабардино-Балкарская Республика*

Таинственный гость

Весна в усадьбе Яровых наступала неспешно. Снег сходил с полей неохотно, будто прощаясь с родными местами, а лёд на реке Лабее трескался лениво, подрагивая в утреннем тумане. Молодой помещик Павел Иванович Яровой сидел у окна библиотеки, задумчиво вращая в пальцах старинную печатку. Ветер стучал в ставни, будто кто-то невидимый просился внутрь.

Павел вернулся из Петербурга год назад, унаследовав имение от покойного отца. Он был образован, светски воспитан и скучал в деревенской тишине. Ни охота, ни заботы по хозяйству не приносили ему радости. Единственным его утешением была библиотека и редкие письма из столицы. Его сердцу здесь чего-то не хватало. Оно не цеплялось за окружающую красоту, заставляя Павла долго скучать.

Однажды, под вечер, когда день клонился к сумеркам, у ворот усадьбы остановилась коляска. Слуга Фёдор поспешно сообщил, что прибыл незнакомец — «барин с лицом, как у ангела, но глаза... глаза холодные, как лёд». Павел удивился — он не ждал гостей — но велел принять путешественника с подобающим гостеприимством. Гость представился Александром Николаевичем Ланским и сказал, что направлялся в Киев, но из-за сломанного колеса вынужден был просить приюта. Он говорил изысканно, с петербургским акцентом, и в его голосе звучали одновременно мягкость и надменность.

Первые дни прошли в приятных беседах. Павел был очарован умом Ланского: тот знал античную философию, знал стихи Пушкина и Лермонтова наизусть, а однажды так прочитал «Пир во время чумы», что Павел долго не мог забыть его интонации.

Однако вскоре Яровой заметил странности. Ланский, несмотря на дружелюбие, не ел ничего, кроме чёрного хлеба и вина. Он часто бродил по саду ночью, разговаривая сам с собой. Однажды Павел увидел, как тот стоял у старой липы и шептал: «Ещё немного — и он созреет».

Однажды ночью Павел проснулся от странного звука — будто кто-то скребся в его окно. Он встал, выглянул — никого. Но внизу, в саду, мерцал слабый свет. Он спустился и вышел из дома. Там, под той самой липой, стоял Ланский. В руках он держал зеркальце, которое отражало не его лицо, а лицо самого Павла, но искажённое: глаза горели, как у хищника, а на губах играла злая усмешка.

— Что вы делаете?! — вскричал Павел.

Ланский повернулся медленно, спокойно.
— Принимаю твой дар, Павел Иванович. Ты ведь хочешь забыть тоску, вернуть страсть, ощутить вкус жизни? Разве не этого ты желаешь?

— Что ты несёшь?

— Ты не знаешь, кто я, но душа твоя уже готова склониться передо мной. Ты читал Пушкина, не так ли? Знаешь, что и он встречал подобных мне.

— Ты... бес?

— Называй меня, как хочешь. Я даю людям выбор. Я — воплощение желаний.

Павел отшатнулся, но в глубине души почувствовал искушение. И действительно, с тех пор как Ланский поселился в доме, его сны ожили: он видел бал в Зимнем дворце, поцелуи неведомых красавиц, звуки арфы, вино и веселье.

Но несмотря на это, что-то внутри него кричало ему уходить. Он сделал несколько шагов назад, а после развернулся и убежал обратно к себе, заперев после себя дверь в свою комнату на замок. Сон в эту ночь не пришел к нему, но вопросы мучали разум Павла: как он теперь будет жить здесь с *ним*?

Наутро Павел хотел уехать в город, но коляска не пришла. Мост размыло. Слуги молчали. Словно всё вокруг завязло во сне. Он застрял в этом доме.

Прошло несколько дней с того таинственного ночного происшествия у старой липы. Павел Иванович Яровой не мог избавиться от ощущения, что его жизнь изменилась навсегда. Гость, Александр Николаевич Ланский, продолжал оставаться в усадьбе, но его поведение становилось всё более странным. Павел стал сторониться его, хотя внутри интерес играл на струнах осознанности.

Однажды, во время утренней прогулки по саду, Павел заметил, что Ланский беседует с местной старушкой, которая продавала травы и зелья. Их разговор был тихим и напряжённым, а когда старушка заметила Павла, она поспешно удалилась, бросив на него настороженный взгляд.

Вечером того же дня, Павел обнаружил в библиотеке Ланского книгу, которую никогда раньше не видел. Она была без обложки, страницы пожелтели, а текст был написан на незнакомом языке. Ланский, заметив интерес Павла, сказал:

— Это древний манускрипт. Он содержит знания, которые были забыты веками. Я изучаю его, чтобы понять, как вернуть утраченную гармонию мира.

Павел почувствовал тревогу, но сдержался и не стал расспрашивать дальше. Страх постепенно душил его.

На следующий день, во время обеда, Ланский предложил Павлу сыграть в шахматы. Игра была напряжённой, и Павел заметил, что Ланский, несмотря на свою внешнюю спокойность, иногда излучал странную энергию. В какой-то момент, когда Павел сделал ход, Ланский замер и сказал:

— Сейчас ты не просто играешь, Павел Иванович. Последний твой ход определит твою дальнейшую судьбу.

Павел почувствовал, как холодок пробежал по спине. Он не знал, как реагировать на эти слова. Поставив фигуру королевы рядом с королем Ланского, тот ухмыльнулся. В какой-то момент на глубине его глаз

вспыхнуло пламя, которое тут же угасло. Павел от испуга встал, обронив на землю несколько фигур. Александр вновь улыбнулся и с противоречивой печалью вымолвил:

— Тебе, Павел, уже нечего бояться. Будь спокоен.

И вновь Иванович убежал. Брошенные слова пугали, а само присутствие Александра веяло ужас и отчаяние. Как бы велико не было искушение, Павел почувствовал, что жизнь его в опасности.

В ночь того дня он крепко уснул, чувствуя странную легкость в теле. Сны его были сладки, как самый изысканный кусок пирога на столе при дворце. Он видел просторные луга, запах сирени бросался в лицо, а солнце освещало его путь.

Но вдруг картина перед глазами сменилась. Тьма поглотила свет, а прямо перед ликом Павла возникла та самая липа. У самых корней дерева была выкопана небольшая пустая могила.

Павел закричал. Открыв глаза, он увидел знакомую комнату, освещенную лучами луны, проникающих через большое окно.

Он не мог успокоиться. Вокруг было тихо. Павел больше не мог терпеть и решил покончить с этим. Он взял манускрипт и отправился в церковь, что стояла на краю имения — старая, заброшенная, но с крестом, уже почерневшим от времени. Там, на коленях, он молился, прося о прощении и избавлении от тени, которая преследовала его, до самого рассвета.

Когда он вернулся в усадьбу, Ланский исчез. Его вещи были оставлены, но самого его не было нигде. Дом стал пуст: не осталось никого, кроме самого Павла. Слуги исчезли, будто их и не было. По неизвестной ему причине он решил зайти в библиотеку. На стоявшем в центре между стеллажей столе лежала книга. Павел не мог вспомнить, брал ли он ее когда-нибудь или она оставлена Ланским. Подойдя ближе, он понял, что перед ним вовсе не книга, а самодельный дневник с записями. Там говорилось о некоем Ланском, который появлялся в их роду каждое поколение — всегда в образе дворянина,

с кусочками льда в глазах. Все, кто принимал его дар, погибали странной смертью: кто-то сходил с ума, кто-то в реку бросался.

Мурашки пробежали по спине мужчины. Он отложил обратно дневник, заметив рядом перевёрнутое зеркало. Павел поднял его — и увидел своё отражение. Глаза были его. Без огня. Без тьмы.

С того времени прошло больше десяти лет. Павел открыл небольшую школу в соседней деревне, где сам преподавал детям литературу, иногда развлекая их рассказами. Он помогал крестьянам, редко ехал в столицу. Лишь иногда, в метельные вечера, смотря в окно, он вспоминал таинственного гостя с ледяными глазами — и крестился.

А у старой липы, говорят, в ночь, когда полная луна заменяет солнце на небе, кто-то поет голосом Пушкина.

Номинация «Эссе»

Гирченко Ксения, 11 класс

МБОУ «СОШ № 1 им. И.П. Вилина»,

Республика Крым, , Бахчисарайского района

Вечно живой источник русской словесности

Пушкин – это наше всё.

Аполлон Григорьев

Афоризм Аполлона Григорьева «Пушкин – это наше всё» давно стал аксиомой, не требующей доказательств. Но что стоит за этой всеобъемлющей формулой? Почему и сегодня, спустя два столетия, творчество Александра Сергеевича Пушкина не просто изучается в школах, а продолжает волновать, вдохновлять и служить неиссякаемым источником не только для русской, но и мировой литературы? Его влияние не ограничивается рамками XIX века; оно подобно могучей реке, чьи воды питают современную словесность, проявляясь в самых неожиданных формах и жанрах.

Прежде всего, Пушкин – это создатель русского литературного языка в его современном понимании. Он сумел органично сплавить «высокий штиль» церковнославянской книжности с живой, разговорной речью народа, придав языку невероятную гибкость, точность и выразительность. Его язык – это инструмент, которым до сих пор пользуются писатели, и эталон, к которому они стремятся. В произведениях современных авторов мы можем не найти прямых цитат из Пушкина, но сама структура фразы, ритмика прозы, лексическое богатство часто несут на себе отпечаток его гения. Он научил русскую литературу говорить просто о сложном, изящно о бытовом, глубоко о мимолетном. Эта пушкинская ясность и лаконизм, стремление к «благородной простоте» остаются актуальными и сегодня, в эпоху информационного шума и словесной избыточности.

Влияние Пушкина проявляется и на уровне тематики и проблематики. Он охватил невероятный спектр человеческих переживаний и общественных явлений. «Евгений Онегин», эта «энциклопедия русской жизни», и сегодня резонирует с поисками самоопределения, темой «лишнего человека», конфликтом между личностью и обществом. Темы любви во всех её проявлениях – от восторженной юношеской страсти до трагической невозможности, от лёгкого флирта до глубокой, жертвенной привязанности – продолжают разрабатываться современными авторами, часто находящими у А. С. Пушкина архетипические образы и сюжетные ходы. Татьяна Ларина с её смелым письмом и внутренней силой, Онегин с его пресыщенностью и запоздалым прозрением, Ленский с его романтическим идеализмом – эти характеры стали вечными, и их тени мелькают в героях современных романов и повестей.

Пушкин заложил основы многих жанров в русской литературе. Его историческая проза («Капитанская дочка», «История Пугачёва») стала образцом сочетания документальной точности и художественного вымысла, что находит продолжение в современных исторических романах. Его «маленькие трагедии» – это предтеча психологической драмы, исследующей глубины человеческой души, тёмные стороны страстей. Даже его сказки, казалось бы, адресованные детям, несут в себе глубокий философский подтекст и социальную сатиру, что роднит их с лучшими образцами современной литературы для юношества и фэнтези, где фольклорные мотивы переосмысливаются на новый лад.

Особо стоит отметить пушкинскую иронию и самоиронию. Он умел смотреть на мир и на себя с лёгкой усмешкой, не впадая при этом в цинизм. Эта способность к отстранённому, но сочувственному взгляду, к игре смыслами и стилями, чрезвычайно важна для современной литературы, особенно для постмодернистских течений. Авторы играют с цитатами, пародируют классические сюжеты, вступают в диалог с предшественниками, и Пушкин здесь – один из главных собеседников. Его образы и строки стали

частью культурного кода, узнаваемыми маркерами, которые современные писатели используют для создания новых смыслов и контекстов.

Конечно, современная литература ушла далеко вперёд. Появились новые темы, новые формы, новые вызовы. Мир стал сложнее и глобальнее. Но фундаментальные вопросы о человеческой природе, о смысле жизни, о любви и смерти, о чести и предательстве, которые так гениально поставил и осветил Пушкин, остаются неизменными. И именно поэтому его творчество не превращается в музейный экспонат.

Влияние А. С. Пушкина не всегда прямолинейно. Оно может быть опосредованным, скрытым, проявляться в подсознательном следовании его эстетическим принципам, в стремлении к гармонии и соразмерности, в чувстве языка. Иногда это влияние носит характер полемики, отталкивания, попытки преодолеть его мощную тень. Но даже такое «борение» с Пушкиным свидетельствует о его непреходящем значении. Он – та точка отсчёта, относительно которой самоопределяется русская литература.

В эпоху упрощения смыслов пушкинская глубина, многослойность и языковое совершенство становятся особенно ценными. Он учит нас не только читать, но и думать, чувствовать, сопереживать. Его наследие – это не застывший канон, а живой, пульсирующий источник, который продолжает питать русскую словесность, помогая ей находить ответы на вечные вопросы и отражать сложную палитру современной жизни. И пока существует русский язык и русская литература, Пушкин будет оставаться её солнцем, её альфой и омегой, её неисчерпаемым вдохновением.

*Кузнецова Елизавета, 9 класс
МАОУ «Школа с УИОП № 85»
Нижегородская область*

Мой Пушкин

Есть книги, без которых невозможно русское искусство. К которым возвращаешься вновь и вновь, открывая для себя что-то новое, удивляясь глубине замысла писателя. Мне кажется, такой путь проходит в судьбе каждого читающего россиянина роман А.С.Пушкина «Капитанская дочка».

Затем знакомимся с книгой Марины Цветаевой «Мой Пушкин». Прислушиваемся к себе: совпадает ли внутреннее ощущение от чтения с пониманием поэтессы. Местами – да, где-то спорно, иногда пугающе сложно и непонятно. Но все-таки мы всегда чувствуем себя на одной стороне Цветаевой: мы оба любим Пушкина. С годами мы привыкаем к такому отношению в России к великому поэту, нам кажется – Пушкина любят все, это неоспоримо. И вдруг... Статья незнакомого автора, профессора университета, писателя. Казалось бы, мне, школьнице, нужно верить каждому слову ученого, ведь его позиция – результат научного исследования, но в работе «Петр Гринев как мемуарист в «Капитанской дочке» Пушкина Андреас Эббингхаус пишет: «Петр Гринев лжет...нарушил офицерскую клятву...в качестве шпиона всячески ему (Пугачеву) содействовал». Первая мысль: не может быть! Очернение одного из самых любимых положительных героев русской литературы! Чем объяснить такую неожиданно категоричную оценку Гринева литературоведом? Невнимательным чтением романа? Национальностью (куда немцу до разгадки тайны русской души!)? Или наоборот, свежим взглядом на классическое произведение? Желанием открыть в ней нечто новое, не увиденное поколениями русских читателей?

Изучение данной темы привело меня к серьезной научной работе по теме «Капитанская дочка» как мемуарный текст». В чем - то я согласилась с

Эббингхаусом, некоторые нестыковки в повествовании были обнаружены и русскими пушкиноведами. Зная интерес Пушкина к восстанию Пугачева и личности предводителя, задумываешься над тем, насколько свободен был автор в изложении реальных событий, стремился ли воспроизвести их с точностью. И писатель дает себе эту свободу, перекладывая авторство на имя своего главного героя – Петра Гринева. Это он отбирал материал для повествования, это он был неточен в изложении фактов. Но если мы не обращаем на этом особое внимание, то немецкий ученый не прощает ему такой вольности и заявляет: «Гринева лжет!» Объясняет свою позицию достаточно просто: обвиняя героя в искажении правды в своих интересах (автор считает Петра предателем, нарушившим клятву и теперь пытающимся защитить себя)... «Да», - говорит мой ум, - возможна и такая точка зрения. «Нет, - отвечает сердце, - не могу ее принять». Гринева нельзя оценивать холодным рассудком, он не просто герой романа, в нем есть частичка души самого Пушкина.

Эта история привела к размышлениям о том, насколько ценна была для меня - читателя встреча со статьей немецкого ученого. Это был момент осознания, что Пушкин для меня не только народное достояние, это – часть моей жизни, как есть моя семья, мои друзья, моя родина, мой Пушкин.

*Лемешко Ирина, 9 класс
МБОУ «Ладомировская СОШ» Ровеньского района
Белгородская область*

*«Фонтан любви, фонтан живой», или
Встреча с вечностью и с поэтом*

Бахчисарай... Величественный дворец времён крымско-татарской эпохи. Время любви и ненависти, интриг и коварства..

Кто не мечтал посетить этот памятник истории, овеянный легендами?!

И вот я в Ханском дворце. В мыслях ожила история, что потрясла Бахчисарай. Бесстрашный воин и жестокий правитель, хан Гирей думал о власти и славе. В зрелые годы он полюбил прекрасную полонянку. Но Мария погибает из-за ослеплённой ревностью Заремы, одной из жён хана. Гирей был безутешен, он приказал Зарему бросить в пучину вод, а память о Марии увековечить.

А.С.Пушкин слышал об этой трагедии, но, посетив дворец, пережил такое потрясение, вследствие которого создаёт невероятной силы стихи и поэму «Бахчисарайский фонтан», благодаря которым мы и сейчас ощущаем в Ханском дворце «Марии чистую душу» или «Зарема носится, ревностью дыша, средь опустелого гарема».

Сам Фонтан слёз вызвал у меня небывалые эмоции. Может быть, они были таковы, какие пережил много лет назад Александр Сергеевич Пушкин. Я не могла оторвать взор от страданий, воплощённых в камне.

Говорят, поэт долго всматривался в фонтан, затем вышел в сад, сорвал две розы и положил их на холодное изваяние символа тоски и страданий.

Фонтан любви, фонтан живой! Принёс я в дар тебе две розы.

Люблю немолчный говор твой и поэтические слёзы...

Фонтан соткан из неопишуемой красоты и философии. Он был построен по велению хана Гирея в память о его возлюбленной. «Пусть камень пронесёт

через века моё горе, пусть все знают, как плачет мужское сердце!» - велел хан.

Это была трудная задача для мастера, ведь в исламе нельзя создавать облик человека. И тогда скульптор камню велел плакать!

Фонтан роняет горькие капельки-слезинки, заполняя чашу боли от утраты, символизирующую сердце; вода растекается в чаши, стоящие ниже. Так автор показывает, как боль отпускает человека и вновь возвращается, но никогда не уходит. Человек умирает, а его скорбь живёт в веках: «Фонтан любви, фонтан печальный!»

Удивительная скульптурная композиция окантована прекрасными цветами, которые в исламе означают человеческую душу. И это не только дух героев вековой истории. Нет на свете такого человека, душа которого не была бы тронута историей любви и бесконечностью страданий...

Я стою у Фонтана слёз. Невероятные чувства владеют мною. Произошла встреча с вечностью и с великим поэтом. Мне кажется, Александр Сергеевич сойдёт со своего пьедестала, сорвёт две розы, положит их на холодный мрамор фонтана; и мы вместе будем любоваться восхитительным памятником любви и скорби, рассуждать о жизни и бессмертии, читая его гениальные произведения; а «серебряная пыль» нас будет «кропить росой хладной» и «журчать свою боль»

«Фонтан любви, фонтан живой...»

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Список победителей, призеров и лауреатов</i>	3
<i>Номинация «Поэзия»</i>	
<i>Мануйлов А. Д. Баллада о благородном разбойнике.....</i>	4
<i>Орешкина Д. В. Любимый Пушкин.....</i>	6
<i>Кацедан М. А. Сон.....</i>	8
<i>Номинация «Проза»</i>	
<i>Вольская В. А. Волшебная сила пушкинских строк.....</i>	9
<i>Магомедова Н. Р. Натиа, луноликая грузинка.....</i>	16
<i>Шилов К. Ю. Алякватваам и Великая Отечественная война.....</i>	22
<i>Номинация «Эссе»</i>	
<i>Косых Е. Пушкин – первый блогер? Остроумие, эпатаж и публичность в его творчестве и переписке.....</i>	27
<i>Байняжеева К. Р. Мой Пушкин.....</i>	30
<i>Мещеряков Е. А. Пушкин в моей семье.....</i>	33
<i>Список работ, отмеченных жюри конкурса, как отличившиеся выразительным языком, глубоким смыслом и личным отношением к теме, связанной с творчеством А.С. Пушкина.....</i>	35
<i>Номинация «Поэзия»</i>	
<i>Куренкова А. Разговор с кумиром.....</i>	36
<i>Догадина В. Поэма о любимых героях.....</i>	37
<i>Терещенко А. Пушкин – солнце! Пушкин – гений!.....</i>	39
<i>Вердиева М. «О, Пушкин...».....</i>	40
<i>Номинация «Проза»</i>	
<i>Рост А. По протоколу.....</i>	41
<i>Шкута А. «Последняя тайна графа Альдеберта».....</i>	47
<i>Бельгушева Д. Таинственный гость.....</i>	50
<i>Номинация «Эссе»</i>	
<i>Гирченко К. Вечно живой источник русской словесности.....</i>	55
<i>Кузнецова Е. Мой Пушкин.....</i>	58
<i>Лемешко И. «Фонтан любви, фонтан живой», или Встреча с вечностью и с поэтом.....</i>	60
<i>Содержание.....</i>	62

Всероссийский конкурс на лучшее сочинение о своей культуре на русском языке и на лучшее описание русской культуры на родном языке
[Электронный ресурс]:
Сборник лучших работ участников конкурса.
Москва: ФИРЯ, 2025. 63 с.

Компьютерная вёрстка
Текст публикуется в авторской редакции
Электронная версия.
Шрифт: Times New Roman